

«Слово бросает на камни одни бестелесные тени...»

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 26 января, 2025

«Слово бросает на камни одни бестелесные тени...» «СЛОВО БРОСАЕТ
НА КАМНИ ОДНИ БЕСТЕЛЕСНЫЕ ТЕНИ...»

Слово бросает на камни одни бестелесные тени,
В истине нет ни сиянья, ни красок, ни тьмы.
Четко шаги раздаются, и мы
Тихо проходим ступени
Всех заблуждений
К двери тюрьмы.

6 марта 1895 г.

* * *

День вечерел. Мы были двое.

Ф. Тютчев

Помню вечер, помню лето,
Рейна полные струи,
Над померкшим старым Кельном
Золотые нимбы света,
В этом храме богомольном —
Взоры нежные твои...

Где-то пели, где-то пели
Песню милой старины.
Звуки, ветром тиховейным
Донесенные, слабели
И сливались, там, над Рейном,
С робким ропотом волны.

Мы любили! мы забыли,
Это вечность или час!

Мы тонули в сладкой тайне,
Нам казалось: мы не жили,
Но когда-то Heinrich Heine
В стройных строфах пел про нас!

6 марта 1904 г.

• Похищение Берты

Шел пир небывалый за круглым столом,
Блистали в шелках паладины,
И кравчие в кубки огромным ковшом
Цедили шипящие вина.
Был красен от выпитых кубков Наим;
Гемон, улыбаясь, дремал перед ним;
Атласный камзол Оливьера
Был яркими пятнами весь обагрён;
И только один неподкупный Милон
Хранил все величие пэра.

Вдруг, в страхе, весь бледный, вбегаёт гонец.
«Случилось великое худо!
Послала меня в Ингельгеймский дворец
С такими словами Ротруда:
Пока, позабыв про воинственный стан,
Вы заняты пиром, проник великан
Неведомый в нашу обитель,
Разграбил капеллу, монахов убил,
Кресты поломал у священных могил,
И дочь мою, Берту, похитил!»

Услышав известие, Карл задрожал,
Он встал с золоченого трона,
Звеня, покатился упавший бокал,
Упав, застучала корона.
«О, горе нам! – так он воскликнул, дрожа, –
Мне Берта дороже, чем жизнь и душа,
Не жить без нее мне, поверьте!

Вы, рыцари! тотчас берите мечи!
Наим, мой любимец! вставай и скачи
На помощь к беспомощной Берте!»

Наим, в колебании, угрюмо встает,
Лицо его слишком румяно.
«Ну, да, – говорит, – если б знать наперед,
Где должно искать великана!
Есть много ущелий, леса велики,
Нельзя же идти по теченью реки,
Подумать нам должно сначала,
Где дерзкого вора возможно словить.
Когда же отыщем, не трудно сразить:
Я в жизни побил их немало!»

«Но ты, Оливьер, – тогда Карл говорит, –
Наверно, ты медлить не будешь!
Хватайся за меч, надевай верный щит,
Ты внучку обратно добудешь!
Награду любую проси у меня!
Ты будешь любимцем моим с того дня,
Тебя я над всеми поставлю,
Я имя твое в назиданье другим, –
Того, кто был Карлом Великим любим, –
По целому миру прославлю!»

«Конечно, недолго, – в ответ Оливьер, –
Дать хищнику суд и расправу!
На нем покажу я злодеям пример,
А, кстати, добуду и славу.
Спокоен будь, Карл! будешь ты отомщен!» –
Сказал Оливьер, и направился он
В покой, подле залы соседней:
Пред подвигом должен он был отдохнуть,
Прилег, и собрался направиться в путь
Наутро лишь, после обедни.

«А ты, – Карл взывает, – мой верный Тюрпин,

Снесешь ли обиду такую?
Ты – церкви слугитель и ревностный сын,
Вступишь же за веру святую!
Тебе ли терпеть разрушение капелл,
Тебе ли снести, что неверный посмел
Служителей храма коснуться!
Сам бог поведет по дороге прямой
Тебя к гордецу. С великана главой
Ты должен обратно вернуться!»

Тюрпин отвечает: «Я знаю свой долг,
Сумею и честь уберечь я,
Но все ж великан не кабан и не волк,
В нем все же душа человеческая.
И прежде, чем в яростный бой полететь,
Мне должно хоть сутки одни поговорить
И богу грехи исповедать.
Беда – нераскаянным встать под копье:
Сгублю тем навек я спасенье свое,
А боя исход как изведать?»

В отчаянии Карл взором пэров обвел,
Опять говорит – Ганелону:
«Ты мудр, как судья, все науки прошел,
Подпорой ты был всегда трону,
Ужель не поможешь сегодня ты мне?
Ужель не поскачешь на быстром коне
Вдогонку за наглым злодеем?
Нам Берту верни, что милее цветка,
И щедро откроется наша рука, –
Друзей награждать мы умеем!»

В ответ Ганелон: «Что за польза сгубить
Цвет рыцарства в тщетной погоне?
В таком предприятии поможет не прыть,
Не копья и борзые кони.
Но должно обдумать, где скрылся злодей;
Составить отряды из ратных людей;

Потом у проклятой пещеры,
Костры распалив, гнать усиленно дым,
И сам, как медведь, тогда выйдет он к ним...
Вот будут разумные меры!»

И Карл уронил безнадежно главу...
Выходит тогда граф Агландский.
«Я стар, – говорит, – много лет я живу,
Но помню обет христианский:
Наш первый обет – жизнь за веру отдать,
Второй наш обет – за сеньора стоять;
Я ныне исполню их оба!
Подайте мне меч, подведите коня, –
Иль с Бертой увидите скоро меня,
Иль лягу в объятия гроба!»

Еще говорил неподкупный Милон,
Еще не dokonчил он речи,
Как клики со всех загрели сторон
И отзвук помчался далече,
Раскрылася дверь, и, лучом осиян,
Предстал сын Милона, отважный Ролан,
В доспехе и бранной кольчуге.
Главу великана держал он в руках,
И Бертю за ним на скрещенных мечах
Несли восхищенные слуги.

И Карл возгласил: «Будь прославлен, герой!
Проси чего хочешь в награду!
А ты, моя Берта! садись здесь со мной,
И деда улыбкой обрадуй!»
И все восклицали Ролану: «Добро!»
И только шепнул Ганелон: «Не хитро
Добиться любого успеха,
Когда в состязаньи соперника нет!
Легко в наши дни изумить целый свет!»
И весь он затрясся от смеха.

6 марта 1912 г.

• **В альбом Н*****

Люблю альбомы: отпечаток
На них любезной старины;
Они, как дней иных остаток,
Легендой заморожены.

Беря «разрозненные томы
Из библиотеки чертей»,
Я вспоминаю стих знакомый
Когда-то модных рифмачей.

Он кажется живым и милым
Лишь потому, что посвящен
Виденьям серебристокрылым
Давно развеянных времен.

И, вписывая строки эти
В почти безгрешную тетрадь,
Я верю, что еще на свете
Осталось, для кого писать!

6 марта 1916 г.

• **Сегодня**

На пестрых площадях Занзибара,
По зеленым склонам Гавайи,
Распахиваются приветливо бары,
Звонят, предупреждая, трамваи.

В побежденном Берлине – голод,
Но ослепительней блеск по Wein-ресторанам;
После войны пусть и пусто и голо, –
Мандрагоры пляшут по странам!

И лапы из золота тянет
Франция, – всё в свой блокгауз!

Вам новейшая лямка, крестьяне!
Рабочие, вам усовершенствованный локаут!

Этому морю одно – захлестнуть бы
Тебя, наш Советский Остров!
Твои, по созвездиям, судьбы
Предскажет какой Калиостро!

В гиканьи, в прыганьи, в визге
Нэпманов заграничных и здешних,
Как с бутылки отстойной виски,
Схватить может припадок сердечный.

На нашем глобусе ветхом,
Меж Азии, Америк, Австралии,
Ты, станции строя по веткам,
Вдаль вонзишь ли свои магистрали?

6 марта 1922 г. Goşgular